

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

СЛОВО И ДЕЛО ВАДИМА КОЖИНОВА

“Институт русской цивилизации”, продолжая весьма успешно оправдывать своё название, в очередной раз порадовал соотечественников, издав в конце осени 2012 года увесистый том выдающегося мыслителя XX века Вадима Валериановича Кожинова (05.07.1930–25.01.2001) под заглавием “Россия как цивилизация и культура”. Отраднo и то, что составителем тома, а также автором предисловия к нему и развёрнутых комментариев является один из ярчайших исследователей русской литературы, критик и писатель Сергей Станиславович Куняев (р. 23.05.1957). В своём слове, произнесённом в стенах названного института по поводу вышедшего издания, он между прочим сказал следующее: “Отбор материала для книги представлял для меня достаточно большие трудности в том смысле, что хотелось взять у Кожинова гораздо больше, нежели она могла в себя вместить. Тем не менее, отсев был довольно жёстким, ибо я понимал, что нельзя трогать кожиновские труды, из которых не изымаются те или иные главы без ущерба для содержания. Вместе с этим мною осознавалась и вся важность показать в столь ответственном и масштабном издании не столько Кожинова – литературоведа и критика, сколько Кожинова – мыслителя и интеллектуального борца”.

Этот замысел не просто удался Куняеву. Он составил такую книгу, из которой Кожинов явственно предстаёт перед читателем как первостепенный национальный и одновременно мировой мыслитель, в котором сочетались качества блистательного, неотвратимого борца за Божескую и человеческую истину. А поскольку наше созидавшееся более тысячи лет духом Православия Отечество есть Дар Божий, олицетворяющий для нас Истину в её высшей и последней инстанции на Земле, то Кожинова можно без каких-либо преувеличений назвать также интеллектуальным его защитником. Из доказательств этого, по сути, и соткано составленное Куняевым издание.

Так, в первой же его части, озаглавленной “История Руси, России и русского слова”, в статье “Рождение Руси...” (1995) Кожинов лаконично и доказательно сформулировал чрезвычайно важное заключение о том, что “Русское государство с самого своего изначалья было многонациональным, и это – его поистине неотъемлемое определение”. Почему чрезвычайно важное? Потому что оно начисто опрокидывало русофобские мифы о России как об исконной тюрьме якобы завоёванных ею народов, на которых строили свою террористическую политику сначала большевики, а затем, уже в наше время, – и одержимые русофобией демократы, стремившиеся силою национальной розни развалить СССР, а значит, и Россию. Чудовищные последствия от действий первых и вторых общеизвестны.

Именно многонациональное единство, гарантом которого была сначала Русь, а затем Россия, помогло выжить в историческом времени всем её народам и племенам без исключения. Конечно, это единство далось нелегко и не сразу. Как раз теме становления национальной общности, государственности, культуры посвящена следующая за первой кожиновская статья “Творчество Илариона и историческая реальность эпохи” (1988). Эта статья, написанная к тысячелетию принятия Русью христианства, столь важна для понимания не только заявленной темы, но и всего последующего после неё творчества Кожина, что есть необходимость хотя бы кратко вникнуть в её содержание, особенно в части исторической реальности эпохи. Дело в том, что в ней рассказывается о малоизвестной ранее борьбе Руси с более чем вековым игом Хазарского каганата, который в первой половине IX века (Кожин пишет – “не позднее 825 г<ода>”) подчинил себе немалую часть её территории, поработив племена радомичей, вятичей, северян и полян вместе с Киевом. При этом с покорённого населения была взята “дань мечами”, то есть оно было подвергнуто поголовному разоружению.

К счастью, Русь зарождалась при наличии двух центров: Киева, граничащего с Хазарией на юге, и Ладоги (Невограда), располагавшегося в устье реки Волхов на севере, откуда открывался путь в Скандинавию и Западную Европу. Благодаря этому Северная Русь продолжала не только существовать, но и усиливаться. В 882 году правивший ею с 879 года князь Олег (?–912), названный в истории Руси “Вещим”, привёл из Ладоги в Киев могучую дружину, состоявшую из воинов северорусских и финских племён, и вырвал северян, радомичей, а также полян из-под гнёта хазар. Однако в 920–930 годах они смогли снова восстановить свое иго чуть ли не в прежних границах. Только в 965 году киевский князь Святослав Игоревич (942–972) основательно разгромил войска Хазарского каганата и тем самым положил начало распаду его громадной империи, простиравшейся “с Востока на Запад от Урала до Карпат и с юга на север от Кавказа почти до верхнего течения Волги”.

По утверждению Кожина, “хазарское иго было, без сомнения, гораздо более опасным для Руси, чем татаро-монгольское, – в частности, потому, что Русь представляла собой только ещё складывающуюся народность, государственность, культуру”. С этим трудно не согласиться, имея в виду, что хазары, в отличие от татаро-монголов, насильственно насаждали свою иудейскую веру на завоёванных территориях, а непокорных, главным образом, славян, продавали в рабство. Причём юноши, девушки, в том числе и дети, продавались ими для разврата в гаремы. Таким образом, Хазарский каганат был даже не тюрьмой, а настоящим проклятием для подвластных ему племён и народов. Святослав же освободил их и взял под свою защиту, чем, несомненно, содействовал возможности принятия христианства на Руси, которое отнюдь не было для её разноплеменных жителей громом среди ясного неба. Так, в цикле статей под общим названием “Война Руси с хазарами и её воссоздание в слове” (1993), не вошедших в это издание, Кожин, между прочим, замечает, что определённая часть населения Руси приняла христианство ещё в 860-е годы, причём тогдашнее крещение русских совершил сам святой Кирилл – общеславянский просветитель.

Тем не менее, киевский князь Владимир (?–1015) начал свои реформы с попытки сплотить племена Руси при помощи объединения всех определяющих их бытование языческих богов во главе с богом небесной грозы и грома Перуном, который считался покровителем самого князя и его дружины. Такое верховенство, как пишет известный исследователь русской истории Игорь Яковлевич Фроянов в своей фундаментальной книге “Древняя Русь IX–XIII веков” (М., 2012), смутило разноплеменных язычников, увидевших в намерениях Владимира только замысел его личной гегемонии над ними. Словом, попытка их сплочения на языческой почве не удалась. Дальнейшие обстоятельства, определившие выбор князя в пользу Православия, достаточно известны. Скажем только, что в 988 году, после основательного “испытания вер”, Владимир со своей дружиной крестился именем Василия в тогда ещё византийском Корсуне, а 1 августа того же года по его воле киевляне приняли Святое Крещение в богоданной им купели Днепра. При этом “восприемником своего народа, – как писал в книге “Сказания о Русской земле” замечательный историк, генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Нечволодов (1864–1938), – был сам великий князь, стоявший тут же на берегу”. В сказан-

ном заключается смысл исключительной важности, без которого ни творчества Илариона, ни его исторической реальности попросту не было бы. Суть его в том, что Владимир “по святому долгу, налагаемому Церковью на восприемников, должен был тотчас же приступить к научению своих крестных детей Христовой вере и всей людской премудрости во славу Божию и на пользу своей родной земле. После него, – вразумлял Нечволодов своих теряющих чувство истины современников, – все русские государи, наследуя от своих предшественников верховную власть над землёю, наследуют вместе с тем и долг восприемничества над своим народом; потому-то они всегда и стоят во главе русской Церкви и просвещения”.

Эти достаточно лаконичные мысли Нечволодова легко перевешивают горы лжи о якобы людоедской сути русского царизма и особенно уместны здесь тем, что идеально подводят нас к восприятию чуда сотворения христианской Руси. Подобно гласу о вселенском чуде явилось на свет и “Слово о Законе и Благодати” Илариона, киевского митрополита (1051–1054), написанное, по сообщению Кожина, согласно новейшим исследованиям, в 1049 году. Да и начинается оно как воистину благая весть о случившемся:

*О Законе, Моисеем данном,
И о Благодати и истине,
В Иисусе Христе явившихся;
О том, как Закон отошёл,
А Благодать и истина всю землю исполнили,
И вера на все языки простёрлась
И на наш народ русский.
Похвала государю нашему Владимиру,
Им мы крещены были;
Молитва Богу от всей земли нашей,
Господи, благослови, Отче!*

(Перевод с древнерусского В. Я. Дерягина, 1994)

Говоря современным языком, Иларион не без ликования заявляет здесь об установлении обратной связи между небесным Вседержителем и земным самодержцем, чем и было положено начало русской православной государственности, основанной на человеколюбии и веротерпимости. Она-то и объединила разногласные племена Руси в единый народ, у которого по воле Всевышнего есть своё Отечество, своя история, а значит – есть и своё особое призвание, выраженное в стремлении к Благодати Божией как к национальному идеалу. В целом же “Слово” Илариона заключает в себе, согласно совокупным исследованиям Кожина, вековечный спор между Хазарским каганатом, исповедующим ветхозаветный Закон, данный через Моисея, и Русью, вставшей на путь Христовой Благодати и истины. Как бы в подтверждение вековечности этого спора Кожин в упоминаемой ранее статье “Война Руси с хазарами” писал: “В силу ряда причин любые исследования исторических конфликтов, связанных с еврейством, встречают в некоторых влиятельных кругах как бы заранее заготовленное негативное отношение: это, мол, никакое не исследование, но стремление возбудить враждебность к евреям. Можно сколько угодно изучать былую борьбу русских с татаро-монголами, поляками, французами, немцами и т. д., но о борьбе с Хазарским каганатом, во главе которого находились евреи, лучше, дескать, помалкивать... Именно этим, в частности, объясняется явно совершенно недостаточное знание этой эпохи в истории Руси, хотя речь идёт ни много ни мало о важнейшей эпохе самого становления русской государственности и культуры”.

Говоря об Иларионе как о достойном родоначальнике одной из величайших литератур мира, Кожин подчёркивал, что “Слово о Законе и Благодати” упоминается, цитируется, пересказывается во множестве литературных произведений XII–XVII веков, а в нашей действительности оно было неизвестным до самого последнего времени даже высокообразованным людям. Чтобы убедиться в справедливости этого заявления, достаточно заглянуть в неоднократно издававшийся ранее “Советский энциклопедический словарь”, где походя сказано, что Иларион в своём “Слове” с патриотических позиций оценил деятельность древнерусских князей и международную роль Киевской

Руси, хотя, если говорить в общем и целом, речь в нём идёт о радостном и вместе с тем драматическом зарождении православной государственности на Руси. Не менее огорчительная справка о творчестве Илариона, взятая из дореволюционного “Энциклопедического словаря” Брокгауза и Ефрона, опубликована в трёхтомном научно-справочном издании “Христианство” (М., 1993–1995, 100 000 экз.), главным редактором которого был доктор фил. наук, академик РАН, слывший крупным историком культуры и христианства, Сергей Сергеевич Аверинцев (10.12.1937–21.02.2004). Без всякого касательства сути повествования, в ней говорится буквально следующее: “Слово о Законе и Благодати” является (всего лишь! – Г. К.) свидетельством быстро проникавшего в Киевскую Русь византийского образования. Представители его – не только сам автор, но целый кружок лиц, к которым он обращает своё “Слово”. Вся первая половина “Слова” – как бы сплошной восторженный крик древнерусского язычника, сознавшего бедность старой веры сравнительно с новыми идеями и понятиями, внесенными христианством”*. На этом подобные оценки величайшего творения Илариона, заключающего в себе едва ли не все значимые темы человеческого бытия, – отнюдь не закончились. Однако наша задача не считать их, а, прежде всего, не поддаваться им. Подробно разбирая в своей статье труднейшую судьбу “Слова” и опираясь на сенсационные, но замалчиваемые демократическими СМИ открытия археологов, историков, лингвистов, Кожинов, по существу, обрушил навороченную вокруг него систему мифов, скорее напоминающих блокаду информационной войны, нежели что иное. И к таковым, например, относился миф о якобы враждебной направленности “Слова” против Византии, имевший целью отвлечь внимание от его истинного оппонента. Теперь, после неоднократного переиздания столь многострадального творения, в том числе Институтом русской цивилизации (2011), – это стало очевидным и для широкой общественности. Справедливости ради нужно сказать, что, согласно статье Кожинова, польский византолог и русист Анжей Поппэ неопровержимо доказал, что “все русские походы второй половины X–XI веков на византийские владения были совершены по просьбе тех или иных властителей самой Византии”. Конечно, уточнял Кожинов, в процессе этих походов обстановка могла осложниться и привести русских к вынужденному конфликту с пригласившей их Византией, как это произошло в случае со Святославом. При этом он подчёркивал, что со времени княгини Ольги (?–969), принявшей христианство около 957 года, Киевская Русь крайне нуждалась в мирных связях с Византией как в экономическом, так и в культурном отношении.

Столь затяннувшееся здесь внимание к творчеству Илариона вызвано не только тем, что он, по выражению Кожинова, был столпом такой духовной высоты и мощи, что независимо от чьих бы то ни было оценок и мнений совершенно объективно является одним из самых крупных деятелей отечественной культуры за всю её историю. Повторимся: библейская всеохватность небольшого по объёму “Слова о Законе и Благодати” такова, что оно заключает в себе чуть ли не все значимые темы человеческого бытия и в этом смысле сопоставимо со всем творчеством А. С. Пушкина. Это при том, что Иларион был первым и, возможно, единственным, то есть не имел писательского окружения, что вовсе не означает его возникновение на пустом месте. Всё-таки язычество Руси, которое Иларион бичевал в своей повести с покаянной безоглядностью, было не средоточием глухонемых истуканов, как нередко теперь думают, а живым круглогодичным царством полнозвучной поэзии. Эта поэзия в виде обрядовых песен, былин, преданий, сказок и т. д. передавалась новым поколениям из уст в уста, что повсеместно создавало творческую атмосферу. Её-то и хватило в сочетании с христианством для развития, в данном случае, гения. Кожинов, анализируя в своей статье многострадальный путь творчества Илариона, может быть, сам того не ведая, обнаружил, что едва ли не вся история России и её литература так или иначе упираются в описанный Иларионом спор между ветхозаветным Законом и Христовой Благодатью, то есть “Слово о Законе и Благодати” представляет собой не только памятник

* Академик РАН Дмитрий Сергеевич Лихачёв (28.11.1906–30.09.1999) оценивал “Слово...” Илариона как самобытное, уникальное произведение, подобного которому Византия не знала. См.: Тысячелетие русской письменной культуры. Альманах библиофила. № 26. 1989.

древнерусской письменности, но и, вместе с тем, оно является живым выражением противостоящей сначала Руси, а затем и России действительности. Невозможно, которую ни верхом, ни низом, ни стороной обойти невозможно. Невозможно потому, что в неё, как уже было сказано, упирается *наше всё* — от отечественной истории, литературы, экономики до ближайшей перспективы русского и, следовательно, российского бытия. Вот этой действительностью, судя по содержанию составленной Сергеем Куняевым книги, и занимался, а точнее сказать, разбирался в ней Вадим Валерианович Кожин. Именно в этом, по примеру Илариона, и заключалось его *слово и дело*. Благо, жажда путеводной истины и всегдашняя нацеленность на неё замечательным образом сочеталась в нём с пронизательной дотошностью, проявлявшейся даже в, казалось бы, совсем незначительных деталях, которые под его пером вдруг обретали явное и неизбежное значение в системе человеческого общеустройства. Одновременно с этим он умел найти именно тот кирпичик, изъятие которого влекло за собой обрушение искусственных конструкций, какого бы масштаба они ни были. Но если нечто подобное кому-то удавалось ранее до него, он тут же давал ему слово в своём контексте и таким образом воскрешал в нашем сознании очередное, достойное всеобщего внимания имя. Так, в статью, сообщившую изданию лицевое название (с. 209–318), Кожин включил в качестве цитаты полстраницы из книги “Европа и человечество” (1920) мыслителя и языковеда Николая Сергеевича Трубецкого (16.04.1890–25.06.1938), который не только разобрал в этом объёме термины “шовинизм” и “космополитизм”, воспринимаемые многими людьми как противоположности, но и с предельной убедительностью показал, что они, по существу, родственны, и разница между ними заключается “только в степени, а не в принципе...” Правоту Трубецкого не оспаривали — её замалчивали. Да и как оспаривать, если граждане мира, то есть космополиты, раздувая *мировой пожар*, чуть не сожгли планету по имени Земля, а шовинист Гитлер развязал Вторую мировую войну.

Но вернёмся к изданию, состоящему из четырёх разделов, которые выстроены так, что содержание каждого из них в тематическом плане соответствует его названию. Все статьи, главным образом, аналитические. Но, например, во втором разделе с названием “О русском национальном сознании” полемическая составляющая явно выделяется, особенно в статье “Дилемма Лосев — Бахтин и розановское наследие”. Это, конечно, значительно оживляет статью. В третьем же разделе “История и литературная политика”, где Кожин провёл генеральную расчистку литературной территории и вокруг неё, по словам Сергея Куняева, “от завалов агрессивной лжи и бессовестных подлогов”, и в четвёртом — “Вопросы истории и вопрос национальный” — “оживление” достигает своего вершинного уровня, поскольку в них затрагиваются острейшие темы той самой действительности, в которую уже целое тысячелетие упирается *наше всё*. В целом книга оставляет чувство потрясения, заставляет размышлять и задавать себе вопросы. Один из них: о чем бы Вадим Валерианович писал, если бы его жизнь не оборвалась так внезапно? Зная, что он был человеком логики, думается — взялся бы за тему “Монархия и демократия”, ведь нельзя же не видеть, не знать, что вместе с Отечеством Господь даровал нам и государственность в виде монархии, которая управлялась согласно Его десяти заповедям. Нельзя не понимать, что своим началом, развитием, книжностью, языком и единством наших народов мы обязаны, прежде всего, государям с их долгом восприимчивости над своим народом. Именно они с самого начала стояли во главе русской Церкви и просвещения. Нельзя не помнить, что Русь начиналась с человеколюбия. Мы также не должны забывать, как начиналась навязанная нам демократия — с лозунгов, что никто ничего никому не должен, что сколько людей, столько и мнений. Добавим — недоученных, ленивых и нелюбопытных. Им бы не мешало знать, что ещё Марк Аврелий писал: “Во всех разумных существах единый разум. Правда едина, и для разумных людей понятие о совершенстве тоже едино”. А вот ещё одно изречение из книги Льва Николаевича Толстого “Мысли мудрых людей на каждый день”: “Народ можно только тогда победить, когда уже побиты его боги, т. е. его нравственные идеалы, его лучшие стремления”. Вадим Валерианович Кожин стремился знать обо всём, что угрожает его Отечеству, и никогда этого не забывать. И это тоже входило в его *слово и дело*.